

Олег Копытов

*Петербургские
рассказы*

Олег Копытов

Петербургские рассказы

«Издательские решения»

Копытов О.

Петербургские рассказы / О. Копытов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833285-2

Это рассказы разных лет. С разными темами и мотивами. Среди героев — и ветераны войны, и молодые люди — с жизнью и взглядами, привлекательными и не очень, и состоявшиеся мужчины, со взглядами и многолетними привычками, с неизменным кредо... Проститутка, доцент из Владивостока, семья из Хабаровска, русский преподаватель из корейского Сеула, странный священник из Новгорода Великого... И есть то, что это всё объединяет. Великий город Петербург.

ISBN 978-5-44-833285-2

© Копытов О.
© Издательские решения

Содержание

Письмо ветерану	6
Неожиданный подарок	8
Виктор, просто Виктор, Ольга, просто Ольга	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Петербургские рассказы

Олег Копытов

© Олег Копытов, 2017

ISBN 978-5-4483-3285-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Письмо ветерану

Елисей Трофимович устало возвращался из булочной. Еще лет пять назад и подумать бы не мог, что вот так устанет от такой ерунды: подумаешь, за хлебом сходил?! Но – почти девяносто! Девяносто лет и зим. Как несколько жизней... Особенно та, вторая... Война. И вся его огромная жизнь, словно несколько жизней, делилась на две половины: до войны и после... И вот уже какая по счету идет после той войны... «Теперь уже последняя», – думал Елисей Трофимович...

В городе Томске в начале июня в самом разгаре весна. Томно пахнет сирень в скверике перед домом. Елисей Трофимович привык к весне, не волновался весной. Еще совсем немного – и взорвется всеми красками яркое, гудящее нескончаемыми днями обычное жаркое сибирское лето. «Скорее бы! – думал. – Может быть, последнее моё лето. Может быть, внуки в последний раз возьмут с собой на рыбалку, на Басандайку, вокруг – кедровники, хвойный рай. А можно и поближе, на Томь...»

В почтовом ящике белел конверт письма. «Странно!» – подумал Елисей Трофимович. Даже ему, человеку начала прошлого века, сейчас всё чаще стали писать... по этому... по компьютеру...

Достал конверт, медленно, долго взбирался на третий этаж. Очень разволновался, когда еще на лестнице увидел на конверте обратный адрес: Великий Новгород... Елисей Трофимович воевал под Новгородом, в том самом Мясном Бору, о котором... О котором до сих пор мало кто знает правду... Где рота в сто бойцов уходила в контратаку с десятью винтовками и без единого патрона, а из этой контратаки в окоп уже не возвращался ни один из них... Где сто пятьдесят тысяч бойцов погибло ради того, чтобы не пустить врага в тонкое сердце России – в Ленинград. Сто пятьдесят тысяч русских парней погибло в корявом лесу на семи болотах, устлали своими мертвыми телами Долину смерти. Громко сказано: «долину» – полоску леса и зигзаги болот, погибли на таком маленьком пятачке. Именно пятачке, по сравнению хотя бы с этими бесконечными сибирскими пространствами. Погибло так много, в десять, в двадцать раз больше врагов, потому... Потому что было ради чего погибать...

Елисей Трофимович развернул конверт и стал читать.

«Здравствуйте, Елисей Трофимович! Если Вы существуете на самом деле, значит, Вы читаете это письмо.

Глупое начало. Но, когда Вы прочитаете до конца, Вы поймёте, почему я так начал.

Меня зовут Константин. Костя Громов. Мне девятнадцать лет. Я член поискового отряда. Мы ищем останки бойцов и командиров Красной Армии времени Великой Отечественной войны, готовим их захоронения, пытаемся восстанавливать их имена, а главное – восстанавливать подлинную картину истории той великой войны. Занимаюсь этим уже второй год. В прошлом году мы работали на Невской косе, а в этом году были на раскопках на Новгородчине, в Мясном Бору. И вот буквально месяц назад со мной произошел удивительный случай.

Еще перед экспедицией мне говорили, что только в Мясном Бору случаются самые удивительные вещи. Там очень сильно явление, которое в науке называется «хрономираж». Это когда в современность врываются видения прошлого. А иногда даже не видения, а настоящие предметы и даже люди из прошлого. Говорят, в Мясном Бору души наших солдат, погибших в Великую Отечественную, подсказывают сегодняшним жителям тех мест и поисковикам места самых ожесточенных боев, прорыва сквозь немецкие «клещи», показывают места, где лежат останки солдат, предупреждают о неразорвавшихся минах, и даже помогают проснуться заснувшим за рулем водителям, едущим из Новгорода в Чудово и Питер ночью. Рассказывали, что погибшие в 1942-м солдаты иногда даже как бы оживают и разговаривают с поисковиками... Если бы я сам не стал свидетелем такого случая, ни за что бы не поверил.

Но, поверьте мне: такой солдат был, разговаривал со мной. Есть и еще один свидетель – моя девушка Инна. Именно к ней первым и подошел такой восставший из смерти солдат...

В общем, в апреле наш поисковый отряд «Штурм» выехал в экспедицию «Долина», на поиск в Мясной Бор. Опущу некоторые ненужные в данном случае детали, начну сразу с главного. В конце экспедиции, 23 апреля мы с Инной работали отдельно от основного отряда. Мы как бы просматривали версию, что на краю очень топкого болота тоже могут быть останки. Был уже вечер. Солнце склонялось за лес. Тени стали очень длинные. И вдруг перед нами, как из длинной вечерней тени вырос... солдат 1942-го года. Вырос, потому что мы не слышали шума его шагов, хруста веток, ничего не слышали, не видели, как он приблизился – он просто вырос перед нами из тени. И выглядел он так, словно это парень из нашего отряда, только одетый в сапоги, грязное галифе и летнюю гимнастерку, расстегнутую на груди, и из-под нее выглядывает белый кусочек нательной рубахи. Не по погоде, не по весне одет. Это мы – в теплом камуфляже. Он – так, как сегодня не одет никто. Коротко подстрижен, в особенности возле ушей, по бокам головы, без пилотки. Лет за двадцать. И сразу стал говорить: «Девчонка, ты неправильно копаешь. И не там копаешь, вот здесь копай», – показал он рукой за другое дерево. – «Вот здесь Петька лежит». Потом шагнул ко мне, я окаменел. «А ты, парень, вот здесь копай! Здесь я лежу!» А потом быстро-быстро стал говорить, словно он скоро исчезнет: «Слушай, парень, напиши в Сибирь, в город Томск. Оттуда дружок мой, мы вместе здесь были, я знаю, он должен был выжить. Его зовут еще так смешно – Елисей. Я его называл Царевич Елисей. Он должен выжить! Напиши ему! Только передай от меня привет. Запомни: Томск! Царевич Елисей! Привет от Сашки Питерского! Меня Сашка зовут. А Питерский – кличка. Я фамилию свою не люблю. Фамилия у меня глупая – Кочерга»...

Я всё до слова помню, Елисей Трофимович. На всю жизнь запомнил. Тогда тот человек быстро повернулся ко мне спиной и стал уходить в лес на заходящее солнце. Опять было впечатление, что он превратился в синюю тень от дерева...

На тех местах, куда он показал, мы нашли останки бойцов. Но без медальонов...

Я никому в отряде не стал рассказывать про тот случай. И взял слово с Инны, что и она не будет рассказывать, пока мы не найдем... или не найдем – Вас.

Мы с Инной послали запросы в Томский областной военкомат и в Томский совет ветеранов Великой Отечественной войны. Ответы получили быстро. И оказалось, что среди всех живущих сегодня фронтовиков, по имени Елисей – в Томске только Вы.

Пока у нас к Вам, Елисей Трофимович, только один вопрос: это Вы? Это Вы воевали вместе с Сашкой Питерским? В сорок втором под Новгородом? Если да – Вам от него привет...

Всё, не могу больше писать, извините...»

На этом месте, в самом конце, убористый, красивый почерк начала письма превращался в каракули, точнее, во что-то похожее на сломанные кусты новгородского леса...

Елисей Трофимович встал. Посмотрел вокруг, словно хотел убедиться, что он всё еще жив...

Да. Он был всё еще жив.

И резко, как боль, почувствовал, что именно с этого мига он будет жить вечно.

Неожиданный подарок

Летом 2006 года почти пятидесятилетнему уральскому инженеру Юрию Красину вроде бы привалило неслыханное счастье: ему засветила командировка в город его альма-матер – Питер, на сегодня преуспевающий, хотя в годы перестройки «лежавший» лицом в грязи завод, и именно на тот, где работал его однокашник по институту Славик!

Начальник, отягчённый опытом нескольких свежих сли-и-ишком уж боевых командировок инженеров в цвете лет, наконец-то вырывавшихся от цепких жен и детей на недельку-другую в подзабытые за пустой финал века производственные походы, вызвал и строго предупредил: «Начинаем ответственное и оч-чень выгодное для нас сотрудничество, поэтому, Юрий Ильич, – ни капли!»

«Да что вы, Степан Аркадьевич, клянусь чем угодно! Да ты же знаешь, Аркадьич: я спиртного почти не употребляю».

«Вот, брат, и не употребляй», – подуставший титан расчетов и схем ослабил галстук и командировку подписал.

Славик жил в ближайшем к Питеру городке и по телефону сделал Юрию заманчивое предложение: «Слушай, старик! Я тут недавно развелся, ну это присказка, а во-вторых и главных: живи все три недели у меня, а? Столько лет не виделась – по письму в год всего-то, сколько вспомнить можно! А юность-то наша студенческая – ох, какая интересная была! Да и о взрослых годах сколько друг другу рассказать можно! Чего тебе в гостинице с тремя храпящими мужиками маяться?

– Нет, Славик, неудобно, я как-нибудь в гостинице.

– Обижаешь! А ведь друзьями считались. Я же по-дружески приглашаю.

Это был аргумент.

Но в Пулковке Славик встретил Юрия кислым и расстроенным.

– Юра, даже не знаю, как тебе сказать...

– Да говори уж как есть.

– Понимаешь, тут совсем недавно, ты еще через полстраны летел, а на самолет е-мэйл не пошлешь...

– Да уж...

– ...Меня перебросили на совсем другой узел проекта, и теперь на работе нам с тобой совсем нельзя будет видеться. У нас даже пропуска будут разные.

Лицо Юрия разрослось в широкой улыбке:

– Какая ерунда! Дома у тебя наговоримся. Нам ведь главное молодость вспомнить. Вот что главное!

Слава совсем скис, и даже приобрел вид какого-то слишком нашкодившего ребенка.

– Ну теперь самое неприятное: одна начальница, дальняя родственница, попросила посторожить ее квартиру на Московском проспекте и кормить кота, пока они с семьей в отпуск смотаются в Прибалтику. Ну не мог я ей отказать, Юра, не мог!

– Конечно, не мог. Дело житейское.

Хотя Юрий был плохим актером: на его лице читалась и подавленность и чуть ли не то, что он успел мимолетные подозрения в обмане превратить в...

– Но, знаешь, Юра, я всё помню. И вот что тебе скажу: ты был самым порядочным и умным на курсе. Сейчас таких людей ну просто нет! Помнишь, когда еще на первом курсе выгоняли Людку, только ты смог её спасти, только тебе поверили. А как ты Алишера от «дын-

ного скандала» спас! Да мало ли! А самый справедливый командир стройотряда, а капитан футбольной команды факультета!

– Да брось, Славка, я поселюсь в гостинице, а ты приходи ко мне, наговоримся.

– Нет, Юра, обещанное должно быть выполнено при любых форс-мажорах! Иначе ничего никогда и обещать не стоит. Я предлагаю, может, и не Соломоново, но всё же решение. Один день у меня есть. Я отвезу тебя к себе, поговорим, выпьем по рюмашке, а потом оставлю тебе ключ до конца твоей командировки. Живи и властвуй. И даже сделаю тебе документы, что ты не «жил у частного лица», а в заводской гостинице, чтоб ты расчет за командировку сполна получил. А чтобы у тебя не возникло ощущения, что я оставляю тебя сторожем, вроде как меня на Московском проспекте оставляют... Тут две вещи, Юра: твой собственный выбор, и – вот... – Славик твердо протянул Юрию руку и преданно посмотрел ему в глаза.

Рука была принята, пожата.

А скоро и приехали: путь от Пулково до Питера близкий.

В принципе, для питерской, точнее «подпитерской», пусть однокомнатной, квартиры у нее была неплохая кубатура – большая кухня, сама комната примерно 20 квадратов. Высокие потолки с наивной советского образца лепниной. Медный трехрожковый светильник под потолком. Правда, мебели маловато. Людка Свистунова, бывшая жена Славика, так в своих нежных панцирях и не победившая физику и сопромат, инженером так и не ставшая, но компенсировавшая сей недостаток железной бытовой хваткой, год назад просто выкинула Славика из хорошей питерской трехкомнатной квартиры, почитай голого как сокола, оставила себе всё – от прищепок и щеток до мебели и новомодного LCD-телевизора. Но, видать, так достала за годы семейной жизни, что Славик отнесся к этому спокойно. Теперь в скромненьком Славкином жилище стоял бэушный, им самим чиненый телевизор (чай, инженер!), шкафчик типа «гей, славяне!», поролоновый диван тысяч максимум за семь и два кресла, похоже, новодельно обтянутые Славиком и им же пришитыми изогнутыми ножками. Вообще Славик, даром, что в молодости был парнем пижонистым, руки имел золотые, да и голову не пустую. На полу, – книжный шкаф он еще не домастерил, – лежали груды книг, а самочинно сооруженному столу на кухне, а также двум стульям был придан даже некий вид «псевдомодерна».

Ели жареную картошку, салатик, тонко резаную колбаску. На столе стояла «Русская» со старой классической бело-красной этикеткой. «Р» и «у», а также обе «с» – как водится, почти что допетровским полууставом. Пили мало, говорили много. Уже за полночь, а успели вспомнить только стройотряд, любимых профессоров, с десятков парней и девчонок с курса. О Людке ни Юре, ни Славiku говорить не хотелось...

Наконец, перешли к тому случаю. Последнему перед их с Юркой расставанием...

– Слушай, а почему именно до тебя те урки докопались? – первым спросил Красин, хотя знал почему...

Слава был сыном ныне покойного, но тогда большого ученого, работавшего на «оборонку». Сына баловал. Славик любил кремовые финские костюмы, желтые ботинки и толстые кожаные бумажники с облупившейся кнопкой. Таких беспечных «богатеньких Буратин» за версту чуяли две категории людей – девчонки на выданье и ночные грабители.

– Да элементарно! Как до первого встречного на темной улице. Иду с вечеринки от одной девчонки, ленинградки, на другую вечеринку, в общагу, слегка пьян, весел. Подходят трое. «Дай, – говорят, – закурить. – Не курю. – Тогда подкинь денжат! – Может, тебе еще ключ от квартиры, где деньги лежат?» Ну, они мне в рыло, нож к горлу и по карманам шарить... Лучше ты скажи, почему ты почти мгновенно оказался в то самое время в том самом месте и, собственно говоря, меня спас? Ты все годы молчал. Но, согласишься, и я не спрашивал!.. Сейчас скажешь?

– Скажу. А ты поверишь?

– Поверю.

– Я был у Лёвы Зайцева, ленинградца, который жил в доме рядом с общагой института, и его окно выходило в тот самый переулочек. Он жил на втором этаже.

– Ну и?

– Ну и Лёва, как всегда о чем-то болтал, что ему одному интересно, и жарил капусту. А я по какому-то наитию, сам не знаю почему, в какой-то момент почувствовал сильную тревогу и встал у окна. И стал смотреть в ночь. И в какой-то момент всем нутром почувствовал, что сейчас по этому переулочку пойдет Слава Алексеев, и с ним может случиться что-то худое. И только я, Юрка Красин, смогу ему помочь. В общем... стоял у окна.

– Мистика какая-то!

– Если хочешь, мистика.

– А Зайцев ничего не чувствовал?

– Я же говорю: Зайцев жарил капусту.

– Я серьезно!

– Я тоже.

– А ведь так всё и произошло.

– Ну так именно! Зайцев жарит капусту, я стою у окна и вижу, что идет по ночному переулочку расфуфыренный Слава Алексеев, а к нему подходят какие-то сутулые и начинают вроде как приставать. Тогда я в три пролета через пять ступенек выскочил на улицу.

– Без ножа!

– Но ведь им Зайцев резал капусту.

– А дальше?

– А дальше ты уже лежал на земле, а я врезал одному сходу в нос, второму боковым в печень и уже думал, что дело сделано, даже стал над тобой нагибаться, но тут откуда-то сбоку из темени выскочил третий и саданул меня «бабочкой». Нож-«бабочка» вообще подлая штука, до последнего мига не поймешь, как из ниоткуда вылезает острое железо... Славик, подожди, а как ты меня так быстро и на какой машине в больницу отвез? Ведь тогда ж, поди, одни случайные водители, да и мало их. И кто ж любит окровавленных возить?

– А-а! Здесь была такая военная хитрость. Схватил я тебя, поднял, обнял, поддерживаю, будто пьяного, тормознул такси, благо быстро рядом зеленый глазок оказался. Уговариваю тебя, как пьяного, а водиле сразу пятёру в руки, вези говорю, командир, на Лесной. Тот и кивнул. Но быстро смекнул, что никакой ты не пьяный, а порезанный, весь в крови. «Ну, чуваки, – говорит, – знал бы, ни за что не посадил. Вылазь, а то как я буду обивку отмывать?»

– Довези вначале, – говорю. – Я те сам отмою.

Прежде чем тебя вытащить, сунул ему целый полтинник.

– Заедь в фирму «Заря», – говорю, – отмоют твою лайбу, будет, как новенькая... Ну а потом, известно: санитары с каталкой, бегом в операционную. Через пару часов, а может, и больше, вышел хирург и говорит: легкое задето, это плохо, но не смертельно. А вот шрам на спине всю жизнь будет носить.носишь?

– Ношу.

– ... Ладно... Жена, дети как? Про них-то ты не особо в письмах...

– Знаешь, Славик! А Людку то я любил. Наверное, и сейчас...

– А знаешь, Юра – знаю! Всегда знал...

Картошка давно съедена, вся водка выпита, и тут Славик встает и ведет Юрия к шкафчику типа «гей, славяне!». Открывает большой гардеробный отсек.

– Это тебе.

– Что?

– Это тебе подарок, – говорит Славик.

В платяном шкафу под двумя пиджаками, тремя рубашками на нижней деке большого гардеробного отдела аккуратно рядами стоят ровно семьдесят пять бутылок «Русской водки», старой, классической, с красно-белой этикеткой. Р» и «у», а также обе «с» – как водится, почти что допетровским полуустановом.

– Все до единой – семьдесят пятого года разлива.

Славик берет первую попавшуюся, переворачивает вверх дном, там выбито – 1975.

– Это что? Ты хочешь, чтобы я спился?

– Я хочу, чтобы ты увез это домой и еще семьдесят пять лет вспоминал тот семьдесят пятый год. Чтобы ты помнил меня, всех нас, моего отца, наших профессоров, Лёву Зайцева, Алишера, братьев-близнецов из третьей группы. Всех!.. Людку... В общем, это тебе привет из тех лет...

Через две недели, домой на Урал, в город Пермь из города Санкт-Петербурга, из командировки, инженер Юрий Красин возвращался уже не самолетом, а поездом. У него было два чемодана. Один маленький, точнее – обычный, с ним он сюда приехал. Второй чемодан он купил уже здесь.

Это был очень большой чемодан, огромный.

Таких не бывает.

Виктор, просто Виктор, Ольга, просто Ольга

Он смотрел, как на экране телевизора мелькали цветные картинки...

Справа от него, в углу – почему-то призывно – косилась запертая светло-коричневая дверь. Слева от телевизора – трехстворчатое трюмо. Большое окно на левой от него стене задернуто вишневыми, под цвет покрывала кровати, шторами, хотя в этом не было надобности – уже ночь. Точнее сказать, поздний вечер, но всё равно – ему, именно ему в этом огромном городе уже по идее надо спать. Разница во времени между Санкт-Петербургом и Хабаровском – семь часов. «Дома-то уже четыре утра», – вяло подумал он и, наверное, в десятый раз за сегодняшний день пожалел, что не взял выпить. «Купить спиртное никогда не поздно», – мысль-бесенок опять легко поддала его в бок, но он не шелохнулся. Он, как и час назад, всё так же лежал, головой на подушке, прислоненной высоким упором к спинке кровати, сложив руки на груди, вытянув ноги в серых джинсах, ступни скрещены – чуть над ними на экране телевизора мелькали персонажи телесериала...

Лететь через всю страну было довольно тяжело. Дело не в физической усталости... На удивление быстро прошли первые два с половиной часа. Сели в овейном тревожной слабой Иркутском аэропорту, – ходят слухи, что он построен на месте старинного кладбища, – быстро, мягко. Без всякого автобуса – транзитный накопитель оказался от трапа лайнера рукой подать, – ушли ждать следующего воздушного прыжка к Питеру. В тесном зальчике сидели недолго, но он шел к самолету с уже довольно ощутимой, сильно возросшей над некой ватерлинией тоской. Нет, он не боялся летать на самолетах, – дело в другом: этот полет был его личный особый случай. Такие случаи зовутся «билет в один конец»...

В самый долгий, пятичасовой, отрезок до Казани он уже чуть не выл от визжавших циркулярной пилой мыслей.

«Дурак, дурак, дурак! Зря всё это затеял. Ничего у тебя не получится! Не получится у тебя ни-че-го! Со всеми своими чёртовыми комплексами можно было разобраться дома... Как долго там устраиваться?.. И как устроюсь? Сашке во всем можно верить? Почему, ну почему всё же Санька себя так странно повел? ...Недельку поживешь в гостинице, потом ко мне... Как-то резко это у него получилось. Теперь не встретит и на новой работе не представит. Теперь всё сам. Бултых с обрыва в новую жизнь!.. А может, всё-таки готовится какая-то западня?.. Да, нет, нет!.. А может, кинул меня на пустое место и ушел? Наколоть, предать? Кто? Санька? С которым кореша при любых обстоятельствах, как говорится, тыщу лет, и ни разу даже не поругались?.. Да, нет, главное не это. Главное – зря всё это, потому что ничего у тебя не получится. Сисадмин ты совсем тухленький. Вот Санька – другое дело. Он компьютерщик от Бога. А ты, Виктор Петрович, прямо скажем, и вовсе не системный администратор, а... А вот кто ты? Кто я, наконец?..»... Над всем этим, прямо скажем, тухленько-рациональным витал дух невыразимого и бессознательного, но бьющего свинцовой печаткой в затылок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.